

— Подписывай, Неля! Не капризничай! Разве ты сама сможешь устроить ребёнку нормальную жизнь? — убеждая упрямыцу назавтра. — Я у вас в маргиналах хожу? Я что, пью? — отшвыривая документ и повышая голос. — Тебе не понравится, но это так: ты бедна, Неля! И так будет всегда! Ну сколько ты заработаешь своим воспитательством? Или этой зарядкой? Ну, да, конечно, — фитнесом?! Какая часть будет уходить на оплату съёмной квартиры? Большая? Купить свою — тебе не светит! В какую школу пойдет твой сын? Во дворе? В какой вуз поступит? В пед, как ты? Ты сможешь оплатить репетиторов, если что?

Она все ниже опускала голову под градом его аргументов, многие из которых ей, 24-летней, даже не приходили в голову по причине молодости и малого знания жизни. Перестав давить на неё, он подсел и обнял её за плечи: — Что плохого в том, что мы договоримся? Чего такого особенного я от тебя жду? Это настолько невозможно? Неля упрямо мотала головой: — Я знаю... я точно знаю... неправильно так поступать по отношению к... Она сглотнула и сдержалась. — Да, ты больше знаешь... больше можешь... Ты всегда во всем прав... Но это не... подло! Да, подло!

И так она была хороша в этот миг, говоря форменные, на его взгляд, глупости, уже почти выздоровевшая, со свежим, только осунувшимся лицом, со спадающими на спину, распущенными влажными (недавно из душа) волосами. Она поправила их характерным изящным движением — он едва не набросился на неё тут же, за кухонным столом. Он притянул её за плечи и нагнулся к ней: — Ты жива и здесь. И я жив и здесь. Ты сама видишь, что у тебя нет выхода. Все у нас будет хорошо. Подписывай! Она скривила лицо, удерживая рыдание: — Я не смогу... Я не хочу... У меня не получится. Вложив в руку ручку и поднося её руку к месту подписи: — Получится! Ты привыкнешь! Я хочу тебя...

Отбросив уже ненужное перо от договора на обеспечение её с сыном, Виктор повлек её к кровати. Малыш уже пыхтел в колыбели, собираясь проснуться и покушать, но мужчина не хотел ждать. Вид её тонкой руки, ставящей красивую закорючку на бумаге, воспламенил его. Не слушая громкого шёпота «Павлик просыпается», «ты не подписал», он торопливо раздевал её, расстегивая множество застёжек (на ней была прогулочная одежда). В который раз преодолев её отпор, усилившийся после болезни, он впился ей в губы, стоя возле кровати и сжимая тонкую обнажённую спину. Толкнув девушку навзничь, он упал сверху, закрыв её исхудавшее тело своим крепким. Пальцами обхватив её пополневшие груди, мужчина втянул одну в рот; небольшая, она почти полностью скрылась меж его губ.

— Нет, это Павлику, пусти! — взвизгнула девушка, отталкивая его от сочащегося молоком полушария. Счастливо засмеявшись, он облизал темные соски. Соскользнув по ней вниз, он стянул нечто тесное и облегающее и приник губами к темному, небритому треугольничку. Пытаясь раздвинуть тесно сжатые бедра, он попутно боролся с ней, шепчущей «мне нужно встать, он сейчас заплачет». Виктор и сам понимал, что вскоре раздастся требовательный рев, но осознание того, что он победил, и она сдалась и согласна, затуманило его разум и толкнуло на немедленное обладание ей. Для него важно было мгновенно закрепить достигнутый такой непростой ценой успех. Чтоб им обоим всё было предельно ясно и не вызывало никаких вопросов. Его член, наполняющий семенем её тугое лоно, являлся для него высшим символом достигнутого результата.

Под набирающий обороты плач голодного малыша он ритмично толкался бедрами меж раскинутых стройных ног. Устав вырываться из-под придавившего её тела, она молчала, раскинув руки, только неотрывно изучала краснеющее, вспухшее личико. Его задело подобное показное безразличие, но такова была цена его усилий. Только тело — не душа. И все!

— Посмотрим ещё... — упрямо крутилось у него в голове. — Ещё не конец! Его финал меж тем был близок и, вобрав в себя её холодные губы, он сотрясся на ней, едва не раздавив. Оттолкнув его крупное тело, она рванулась к охрипшему младенцу. Всхлипывая, тот зачмокал, а Неля попыталась одной рукой накинуть на себя халатик. Виктор набросил тонкую ткань на дрогнувшие плечи и прижал к себе её тонкую спину. Картина могла бы показаться идиллией — мужчина, обнимающий кормящую мать, — но он всем своим расслабленным после быстрого секса телом ощущал её отчуждение и враждебность. — Не всё сразу, — загадал он, целуя её плечи.

— Ничего не случится, я же кормлю грудью, — в это время размышляла Неля, усыпляя свои опасения. — Мало времени прошло. Она попыталась стряхнуть его руку со своей свободной груди, он только хмыкнул в ответ и зажал меж пальцев сосок. Привалив её к себе, он изучал её тело, которое ещё недавно брал насильно. Его руки плавно пустились в сладостное путешествие, ощупывая каждый сантиметр тёплой кожи. Проведя ладонью по её мокрому животу, он нырнул меж разведенных для удобства кормления ляжек. Она заерзала, пытаясь вырваться, но мужчина уже исследовал мокрую истекающую соками промежность. Поняв, что она кончает прямо сейчас, пока кормит, Виктор заурчал от подступающего вожделения и сильно сжал ещё трепещущие нижние складочки. Размазав по лобку белесые выделения, мокрой рукой он повернул к себе её лицо и втянул в рот что-то говорящие губы. Он снова её хотел и не мог дожидаться, когда ребенок насытится и успокоится. Полулежа голым поперек кровати, он вожделенно следил за качающей на руках малыша Нелей. Ему казалось, что она специально тянет время, ходя возле кровати. Поймав её, пытающуюся скрыться в ванной, мужчина быстро взял её, ещё влажную после недавнего совокупления. И вновь постарался не концентрироваться на её отстраненном виде.

— Ты будешь приходить раз в неделю? — равнодушно задала она вопрос, закрывая за ним дверь. — Нет, я буду приходить, когда захочу, — мстительно ответил он, будто смеясь над её показным безучастием.

Хладнокровно отговаривался Виктор от матери и Ларисы, терзающих его расспросами и придирами, что будто бы кто-то видел его гуляющим с Нелей, и её, выходящей из его машины. Опасно улыбаясь, он пресекал подобные разговоры, напомнив раз и навсегда, что её сын — часть их семьи и заслуживает помощи. Ни про какой договор он никому, разумеется, не говорил, чтоб не стать предметом насмешек. Обмануть можно было только наивную Нелю.

Шли месяцы, наполненные для него счастьем обладания. Она понемногу менялась, превращаясь из холодной снегурочки во вполне себе домашнюю женщину. Конечно, ни радушия, ни тепла ожидать от неё не приходилось, но зато пропало с её лица выражение обреченности и непроходимого несчастья. Она училась жить без любви, щедро даря её только росшему сынишке. К визитам Виктора привыкла, безропотно принимая его разнообразную помощь и деля с ним постель. Изредка советовалась насчёт домашних забот, начав называть Витей, в противовес предыдущему безымянному «ты».

К нему привыкли её родители, воспринимая как заботливого родственника и испытывая

благодарность. Мальчик рос и спал уже не весь день, заставляя корректировать время прихода покровителя. Виктор купил большой манеж, заполнил его игрушками, чтоб малыш на время мог отвлечься, пока мужчина занимался его матерью.

— Он никуда не убежит! — одёргивал рвущуюся из-под него к зовущему сыну Нелю. И нарочно не отпускал девушку, тоскливо глядящую на хнычущего ребёнка, вставшего в манеже и тянущего к матери ручки. Подшучивая над ней, стремительно выкатывающейся из-под него и прикладывающей малыша к груди, он полюбил прижиматься к её тёплой после секса, больше не напряженной спине и вдыхать её сказочный аромат грудного молока и чего-то ещё. Удобно укладывая в ладонь её свободную от кормления грудь, зажимая пальцами вытянутый сосок, лениво изучал чмокающего крепкого мальчишку, недружелюбно следящего, как ему казалось, за ним, за его властью над телом его матери. И твердо отдавал себе отчет, что никогда не привыкнет к племяннику, не примет его как родного, случись такое. Ничего не менялось в его страсти к желанной женщине и в отторжении ненужного ребёнка. Проблема ещё требовала решения, и он прикидывал варианты. Как-то подсев к бесполезно лежащему ноутбуку (с тех пор как он начал приходить сюда, ни разу не видел его включенным), Виктор зашел в соцсети и пробежался по их страничкам. Пароли были беспечно сохранены, видно молодежь не имела друг от друга тайн. Все точно у близнецов; одинаковые профили с одинаковыми фото, такие же фотоальбомы с сотнями изображений. «Влюблен в Нелю», «влюблена в Сашу» — актуальные когда-то статусы... Когда-то... Последние даты посещения — аккурат перед аварией... Мрачно он листал романтические фото, просматривал веселую переписку со всяческими приятелями и подружками, где непосредственные любовники договаривались о неких вечеринках, совместных прогулках, поездках... Со сложными чувствами открыл их взаимную переписку времен ухаживания. Интимные и чувственные фразы... Море любви и обожания... Он такое никому не писал, его так никто не называл... Как-то не случилось... Переборов сильное желание запустить гаджетом в стену, он замер перед увеличенной фотографией, где брат и Неля лежали на животах на пляже, накрыв головы одной шляпой, держа её руками, и смеялись в объектив. Такие радостные... Враждебно изучив родные лица, мстительно подумал, что получается, они наказаны за такое вот показное счастье.

— А разве можно вот так, без спроса? — раздался за спиной её чужой голос. У неё дрогнули губы, и она часто заморгала. Ухмыльнувшись, он неспешно закрыл ноутбук. — Моё время, — снисходительно подумал он. — У меня будет страничка не хуже и фото больше. Только мы! Встал и, глядя на неё, расстроенную, расстегнул брюки.

Забрав Нелю с малышом и с её мамой от какой-то больницы, вполуха прослушав болтовню женщин и кивнув выходящей мамаше, он направил зеркало на девушку. Её лицо было озабоченно, и он недовольно поморщился: опять будут капризы. — Не давай ему спать сейчас, — намекнул он на клюющего носом ребенка. — Уложишь дома. Она не сдержала тайного вздоха, слегка встряхнув сына. — Она знает правила, — успокоил себя нисколько не сочувствующий ей мужчина. — Секс состоится в любую погоду! Она будто бы порывалась что-то сказать ему, но не решалась — так ему, во всяком случае, показалось. — Хочет — скажет! — подъезжая к подъезду.

— Витя, поговорить с тобой хочу, — шепотом, качая кровать. — Не раздевайся, давай на кухне. — На кухне — потом, сначала — в кровать! — начав расстегивать ей одежду. Не слушая сдавленного шепота, он спустил с неё брюки вместе с маленькими трусиками и закатал вверх

свитер. Толкнув её, бормочущую про важный разговор, на спину, мужчина вжал лицо меж её бедер и втянул в рот терпко пахнувшие нежные губки. Она гибко извилась на постели, пытаясь оттолкнуть его коротко стриженую голову. Схватив её руки, удерживая их одновременно с отбивающимися ногами, он уже без суеты и борьбы старательно облизывал розовую вагину, не пропуская ни кусочка кожи. Каждый раз поражаясь её застенчивости касательно оральных ласк, он не раз гадал, а знала ли она их раньше. На как-то заданный прямой вопрос она не ответила, а брата он и вовсе никогда не спрашивал. Всегда одинаково воспринимая начало кунилингуса, она научилась терпеть его, покоряясь мощному напору любовника. И вылизывая раскрытые створки её влагалища, нажимая языком на нежный клитор, он каждый раз давал себе зарок, что вот сейчас он встанет с неё и притянет к своему вспухшему органу её смущенное личико, чтоб раз и навсегда дать понять, что ему нравится. Но жалея её, откровенно не любящую нетрадиционный секс, как-то не решился настаивать. Отложив на будущее. Поэтому и сегодня перевернулся на спину и потянул её наверх.

— Витя... — всё что-то бормотала она, но поймав безапелляционный взгляд, послушно села на его член. Он любил эту позицию — «она сверху». Без стеснения можно было разглядывать любимую женщину во всей обнаженной незащитности. Переплестать её тонкие пальцы со своими, любуясь их изяществом. Рисовать волны на её поддрагивающем животе, утопая палец в нежном пупке. До исступления мять и крутить высокие груди, наблюдая за текущими меж своими пальцами прозрачными струйками молока. Размазывать его по оливковой коже, смешивая с выступающими капельками пота. Массировать пальцами её остренький темный клитор, скользящий по его стволу. И мокрой от её соков рукой гладить дорогое лицо, проводить меж приоткрытых губ, упираясь в крепко сжатые зубы. Ничего лучше в своей жизни он не испытывал и очень ценил эти минуты, продлевая их как можно дольше. Никакая иная женщина, включая постоянную сожительницу, не вызывала у Виктора подобных эмоций.

Расслабленно улыбаясь и ожидая пикового момента, всегда сладостного с Нелей, он заметил, что она двигает губами, как в немом фильме. Нахмурившись и спустившись с небес, он прислушался. — ... ты поговоришь... договоришься... убедишь... тебя послушает, а меня и слушать не хочет... — Это так срочно? — иронично ей. — Даже кончить не дашь? Видно озабоченная этой своей проблемой, девушка не умолкала, даже ускорив скачки на нем. Вынужденный отвлечься от приятного, он с трудом впускал в себя путаную информацию, выдаваемую ей прерывисто и задыхаясь. Он сжал её маленькие ягодички, а она упала на него и прошептала в самое ухо содрогающемуся в ней мужчине: — Поговори с врачом... чтоб разрешил аборт.

Не выходя из неё и прижав к себе, он уже спокойнее расспросил её, в целом догадавшись обо всем. По её словам выходило, что срок беременности был таков, что согласие на аборт пришлось бы давать врачебной комиссии, а врачи не хотели с ней связываться и брать на себя ответственность за последствия. Гораздо проще ей было родить — так выходило со слов участкового гинеколога. С Нелей произошла история, регулярно случающаяся с кормящими матерями: они не предохранялись, надеясь на устаревшие предубеждения, и «залетали».

Глядя её по голове и выслушивая почти детские обиды, он улыбнулся своим мыслям, пришедшим в голову одновременно с услышанными от неё. — Думаю, его нужно оставить, — удерживая её, пытающуюся возмущенно подняться с него. — Нет, не нужно! — импульсивно вскрикнув. — Я не хочу! Мне не нужен ребенок! — А что если я хочу? Если мне нужен? Моё

мнение учитывается? — насмешливо поглаживая её вспотевшую спину. Она поднялась с него, выпустив опавший пенис, враждебно посмотрела несчастным взглядом на его смеющиеся губы. Прозрачные струйки потекли по её ногам из приоткрытого отверстия. Такой трогательно-обиженный у неё был вид, что он встал и пошел за ней. Зайдя к девушке под душ, повернул её к себе: — Ты понимаешь, как нам повезло (имея в виду больше себя)? Отвернув лицо от водных струй и порывисто вытирая глаза: — Нет нас! Нет! И не было никогда! Не хочу ребенка от тебя! Сама все сделаю! Без тебя! Толкнула его и вышла.

Она плакала на кухне, чтоб не разбудить сына. Войдя, Виктор присел. — ... предала тебя... — расслышал он сквозь тихие всхлипывания, — ... прости, Сашенька... дрянь я... хотела как лучше для нашего Пав... Острые плечи затряслись. Мужчина понимал, что он лишний в этой беседе влюбленных. — Она всегда будет говорить с ним, — как-то отрешенно подумал он. — Не со мной. И это был факт, с которым требовалось примириться. В нем закипала злость на неё, её упрямство, на того, кто всегда ей будет ближе, чем он. Было необходимо любым образом переломить ситуацию, и Виктор предпочёл не стесняться.

— Он не ответит. И не придет. И ты уже не с ним, а со мной. И я тебе сделал ребеночка, у которого будет отец, — жестоко произнес мужчина, подчеркнув слово «будет». — Мы... Она повернула к нему покрасневшее некрасивое лицо: — Я не оставлю его... Что-нибудь придумаю... Родители помогут... обойдемся без тебя... Подавитесь своими квартирами и деньгами! Мы с Павликом и сами сможем... Я ещё буду счастлива, увидишь!

Он принял вызов, насмешливо изогнув губы. — Счастлива? Без меня? Уверена! Ты кого-то конкретного имеешь в виду? Сашку ты сразу предала и забыла. Через сколько времени ты легла со мной? Месяц, два? Она со страхом смотрела на него заплаканными глазами, но Виктора было не остановить. Громко чеканя каждое слово: — О каком таком счастье ты говоришь? Никого другого рядом с тобой не будет, не надейся! Я не позволю никому тебя трахать! И жить вам в той конуре с родителями всю жизнь, а мужики от тебя шарахаться станут — это я тебе обещаю! Если только ты вдруг не уедешь, например на Луну! Да и то на ней жизни нет! Мальчик ожидаемо проснулся и заплакал. Очнувшись от оцепенения, Неля медленно двинулась в комнату — он встал у неё на пути. — Пусти, мне нужно к нему! — враждебно и не глядя ему в глаза. — Не пущу, пока не услышу внятный ответ, — стараясь поймать её взгляд. Девушка замахнулась — он, смеясь, поймал её кулачки и обхватил за пояс, прижав руки. — Нет!... Так нельзя!... Он плачет, пусти! — яростно вырывалась она, а мужчина всё удерживал её, повторяя: — Он часто плачет... подумаешь, ещё раз... Ответь, я жду! — Да что ж я стану делать с двумя маленькими детьми? Как я справлюсь? Что ж это за жизнь будет? Ни нормальной работы, ни семьи! Ты этого хочешь для меня? — отчаянно кричала она, ещё больше пугая сына. Внезапно он разжал руки, так что Неля едва удержалась на ногах; она тут же унеслась. Победно улыбаясь, он двинулся за ней.

Мужчина сел напротив неё, торопливо дающей грудь всхлипывающему малышу. Перед его мысленным взором предстала такая же картинка, только с другим ребенком, желанным. Это мирное видение помогло ему успокоиться. — Ты не будешь одна, Неля, хватит. У нас будет семья, ты... вы переедете ко мне, там просторнее. У детей будет няня, ты сможешь работать. Вроде ничего не забыл... Да, на днях подадим заявление в ЗАГС. Воцарившееся молчание нарушало только звучное почмокивание едока. — Видно, так и придется... Мне нужно подумать, — тихо, опустив глаза. — Подумай, если хочешь. Завтра я заеду и отвезу тебя... вас к себе. Она не поднимала головы, наблюдая за сыном. — Ты... не любишь Павлика, я знаю, —

прошептала она. — Мне нужно время, — соврал он. Провожая его, в дверях: — А как же... твоя семья? Это уже было похоже на положительный ответ, и Виктор широко улыбнулся: — Моя семья — ты!

Войдя домой, мужчина обвел наполеоновским взглядом просторное пространство. Уже завтра он будет по-настоящему счастлив, ни от кого не скрываясь. Выглянувшей из кухни с приглашением на ужин Ларисе он сказал 3 коротких слова, в переводе на литературный язык означающих «уходи отсюда навсегда».

Таская за собой плачущего сына, женщина металась по комнатам, пытаясь одновременно собрать вещи и высказать все, что наболело. Она причитала, что отдала ему лучшие годы и зря потеряла кучу времени. Что он только пользовался ей и никогда не любил. Мужчина подивился пронизательности сожительницы, догадавшейся, что он не просто так помогает «той бл...», которая спала с обоими братьями и ещё много с кем». Теперь Лариса сожалела, что знала и молчала про так называемую «помощь», надеясь, что со временем «дурь» у него пройдет. Ещё кричала, что он пожалеет и она как-то отомстит ему. Пыталась ударить его по щеке, но он, смеясь, отшвырнул её. Обняв ревушего от страха сына, заплакав, женщина двинулась к выходу. Напоследок прокляла, крикнув, что его никто не полюбит, и мстительно напомнив, что он никогда не станет Сашей. Виктор и не предполагал, насколько женщина ядовита. Что обманута, брошена и несчастна — эта мысль не пришла в голову мужчине, хладнокровно запершему дверь за прошлой жизнью. Он прошелся по комнатам, собирая в черный мусорный пакет разбросанные в беспорядке тряпки и игрушки. Хотел, было, выбросить сразу, но, пожалев бывшую, решил отвезти с утра на работу. Позвонив домработнице, дал указания на завтра. Как будто все было готово.

Днём к Неле заехала «газель» и увезла весь её немудреный скарб. Всё ещё не вполне веря в происходящее, девушка потерянно следила за грузчиками, выносящими детскую кроватку. Держа на руках одетого сынишку в опустевшей квартире, она мысленно прощалась с местом, где была так счастлива и несчастна. Торопливо вбежавший Виктор спешно потащил её вниз, повторяя, что они опаздывают и их ждут. Она не успела мысленно поговорить с тем, родным и далёким, как поступала, оставшись без него. Волнующий момент был безнадежно испорчен.

В ЗАГСе, куда они вбежали в последнюю минуту до закрытия, их ожидали с уже заполненными анкетами. — Проверь, всё так? — придвинул к ней лист, заполненный его почерком. Неля беспомощно оглянулась: безразличная чиновница скущающе смотрела в окно. — Что, напутал где-то? — навис над её плечом мужчина. — Исправляй быстрее, она ради нас задержалась. Женщина за столом равнодушно взглянула на неё, потом озабоченно — на часы. — Подписали? Порядок? — вопросительный взгляд на Виктора. — Ты о чём задумалась? Подписывай, если всё верно! — толкнул он её руку. — Здесь... Здесь... И здесь... Всё? — это уже к чиновнице. Та бегло просмотрела подписанные заявления и анкеты, выдала мужчине их экземпляр и встала из-за стола.

Поднятая его твердой рукой, как в тумане, шла Неля к машине теперь уже своего жениха. Непривычно смущаясь, Виктор распахнул дверь перед дорогими жильцами. Светлая напольная плитка засверкала под электрическим светом — домработница постаралась. Пахло свежими цветами — на видном месте стоял букет. Находящаяся в апатии Неля с ребенком на руках замерла на пороге. Охваченный незнакомыми прежде эмоциями, желая как-то выразить их, Виктор обнял её сзади и прижал к своей груди. — Любимая... ты знаешь... я... давно тебя люблю... ещё тогда... — А я тебя нет! — безучастно произнесла Неля. — Где

пашенькина комната? И, не разуваясь, прошла в указанную, не оценив ни чистоты, ни цветов. Его будто по лицу ударили. В который раз.

Этой ночью он впервые заснул счастливым и спал без сновидений и один. Утром он встал с сознанием, что его жизнь наполнена смыслом. И так будет всегда, несмотря на некоторые неудобные моменты. Мечты, в которые он не верил ещё несколько месяцев назад, начали исполняться, и благодарить следовало себя самого. Улыбаясь зеркалу, он поздравил себя с предварительной победой и посоветовал не расслабляться. Свадьба только через 2 недели (оказывается, это можно устроить за деньги!), а рожать Неле почти через 5 месяцев.

Он остановился у открытой двери в импровизированную детскую: мать и сын сидели на полу и играли. Виктор вновь мысленно увидел схожую картинку, только ребёнок был другим, его. Улыбаясь, он нагнулся к девушке и поцеловал её в макушку, не подав вида, что обижен её неподвижностью. — Милая, завтрак мне готовить, или всё же ты? — иронично ей. Она со вздохом поднялась: — Павлик испугается без меня. — Павлика беру на себя, кухня там, — он прислонился к притолоке, провожая взглядом идущую по его дому его любимую женщину. После перевел тусклый взгляд на мирно лопочущего малыша. Сколько ему будет, когда родится их ребенок: год, год с небольшим? Надо что-то с ним решать. Сейчас никак нельзя, даже заговаривать, отношения не те. Но вот после родов, когда на ней окажутся двое младенцев... — Живи пока, племянничек. Недолго уже, — с этими вероломными мыслями он направился за ползущим малышом. Вид Нели, стоящей в домашнем платье у плиты, подействовал на него даже лучше секса. — Нет, сегодня ночью я определенно кого-то поимею, — развеселился он про себя. — Согласен даже, если этот кто-то как следует отымеет меня! Уходя на работу, он крикнул из прихожей: — Меня кто-нибудь проводит? Эй! Девушка подошла из комнат, держа за ручки пытающегося ходить ребенка. Виктор было потянулся к ней. — Не дави на меня, — тихим голосом, не глядя на него. Шутливо подняв руки жестом «сдаюсь», мужчина поехал на работу.

Неля лежала, раскинув руки на большой постели, и изучала потолок. Она знала, что скоро совсем не сможет терпеть и с тревогой ожидала окончания томительного, неприятного кунилингуса. Запретив себе воспоминания и сожаления, девушка ничего не могла сделать с собственной памятью, а та услужливо напоминала, как ещё совсем недавно, но кажется что давно и в другой жизни, она любила подобные ласки жениха. Не этого, ставшего им лишь вчера, а того, прекрасной сказки её жизни, которая так и осталась сказкой, прервавшись ненастным вечером. Умелый язык будущего мужа тягуче облизывает самые потаенные уголки её вагины, нажимая и вдавливая самые чувствительные точки. Умом девушка понимает, что он хочет доставить ей удовольствие, но ощущает только боль. Чувства, что тебя щекочут крылья бабочки, как было тогда с любимым, — нет. Она воспринимала себя резиновой куклой, которая все терпит и чьими эмоциями не интересуются. Вздвогнув, она глубоко вздохнула: мужчина пальцами широко растянул внутренние малые губки и, полюбовавшись трогательным маленьким клитором, уверенно коснулся его языком. Виктор упивался счастьем уже 2-й день. Забрав Нелю из детской, где она снова вознамерилась провести ночь, он поцелуями заглушил слабые протесты. Открыв перед ней дверь спальни — «твое место здесь, рядом со мной» — и не запирая её — «ты сразу услышишь его», — мужчина был рад наконец-то заняться любовью с дорогой женщиной, как и полагалось — наедине. Торопливый экстремальный секс возле кровати младенца достал его, чуть не превратив в невротика. В интимном полумраке большой комнаты он собирался не спеша насладиться

законной невестой. Шепнув ей «ты — моя, хочу тебя там» и удобно устроившись меж ног смущённой девушки, мужчина старательно и неторопливо исследовал её тайные глубины. Он понял по выражению лица, что ей не нравится и не хочется, но не посчитал нужным сдерживать собственное вождение.

Обведя языком темный капюшончик клитора, он глубоко придавил его, немедленно ощутив трепетный отклик её тела, принятый им за наступающий оргазм. Погладив руками её живот и дав прийти в себя, начал пальцем неглубоко массировать область вокруг, вновь принудив её стонать. Придя в исступление от её томительных стенаний и волшебного запаха, он возбужденно впился губами в потемневший холмик и втянул его в себя, будто бы желая выпить до дна. Удержал мечущуюся по постели и сдерживающую крики девушку, пока не насытился её любовными соками.

Сел, подогнув колени, возле её головы и поднес полуэрегированный член к её губам: — Теперь ты. Она отползла от него, мотая головой, но он притягивал её к себе со словами «ты почти моя жена», «тебе придется», «я так хочу», «сделай мне приятно». Она опасалась кричать, а бежать было некуда; он сжал ей шею и вывернул голову, и наконец, ей пришлось приоткрыть рот. Поводив розовой головкой вдоль её дрожащих губ, он втокнул член внутрь. — Лежи, я сам, ты потом, — бормотал он, крепко держа её за шею и голову и толкая пахом её рот. У неё не получалось даже плакать. Посчитав, что достаточно возбужден, он медленно вынул мокрый орган из её болевшего рта, провел им вниз по её телу, оставив влажную дорожку. Удобно улегся на её недвижимое тело и сразу ввёл пенис в текущую вагину. Повернулся с ней на бок, крепко прижал к себе, забросил на себя её лёгкую ногу и плавно заработал бедрами.

Неля выворачивала голову, тщетно прислушиваясь к тишине; ей казалось, что она могла пропустить плач сына. Он повернул её к себе: — Смотри на меня! Там тихо... Обнятая женихом, девушка наблюдала за целым спектром эмоций, меняющихся на его лице. От ярости — он исципал её ягодицы — до нежности — облизал лицо, шею, уши. В преддверии оргазма он сделался похож на робота: с перекошенным от экстаза лицом равномерно сильно толкаясь в ней. Вскрикнув, выгнулся, вжавшись в её пах своим. Она ощутила хорошо знакомые, пульсирующие толчки, в который раз пожалев, что не принимала мер раньше.

Виктор откинулся на спину: — Хорошо потр... как! Мысленно рассмеялся тому, что чуть не выругался, — придется теперь сдерживаться. — Наш первый раз, да?! — повернулся к ней. — Не первый, — тихо отозвалась Неля. — Первый, — уточнил он. — Настоящий и здесь. Следующие ещё лучше будут, обещаю! Он лег ей на плечо и заглянул в лицо: — Понравилось? Повисшее молчание прервал долгожданный детский плач. — Ну, беги, беги, дождалась... — сонно пробормотал ей вслед и мгновенно заснул с довольной улыбкой на лице.

Утром принесши её из детской, где она осталась, вновь любил её по-быстрому из-за дефицита времени. Выйдя из дома, дошел до цветочного киоска, в котором некогда покупал цветы ей же, ещё тогда, заказал букет и отослал его домой. Опуская цветы в найденную вазу, Неля не испытала ничего, кроме тоски. И желания плакать.

Их навестили его родители, впервые познакомившиеся с внуком. Потеря младшего сына заметно их состарила. Увидев стоящего за ручки с Нелей малыша: — Сашенька, — не сговариваясь, заплакали они. Хотя Виктор не замечал какого-то особого сходства с братом, но родителям виднее. Мать держалась несколько натянуто с будущей невесткой, но ограничилась игнорированием её. Неля искренне поцеловала отца Виктора. Высокий,

напоминающий младшего сына мужчина подсел к ней на диван и обнял; она опустила голову на его плечо. Рядом с ним она могла без помех вспоминать прекрасное прошлое. Глядя её по волосам, тот говорил, как они рады, что она выходит замуж за Виктора, что это правильно. Отмечал, как тот сильно изменился с ней, перестав быть эгоистом и начав заботиться о ком-то, кроме себя. Добавил, что тот стал мягче и предположил, что это из-за племянника. Он станет хорошим отцом обоим детям — пришел к выводу отец. Неле совершенно нечего было возразить только что оправившемуся от тяжелого недуга мужчине, она и не стала. Прислушивающийся к их разговору Виктор остался доволен визитом. Малыш пересидел на коленях у обоих новоявленных родственников, почти не капризничая, умилившись тех. — Хороший знак, — отметил жених.

Нелина мама догадывалась, что с этим скороспелым браком что-то не так, но ничего не могла добиться от дочери. — Так надо, мама, да, я так решила, — упорно твердила та. Женщина попыталась вызвать на разговор жениха, но тот ясно дал понять, что их брак — их семейное дело. Теперь мать навещала дочь и внука, исключительно пока хозяина не было дома.

— Я не могу дождаться завтра, — пристально глядя на Нелю, сидящую верхом на нем. Она едва улыбнулась: — Да ведь ничего не изменится. Мы давно вместе. — Всё изменилось, давно... — неопределенно заключил он, сжимая её тонкие пальцы. Она пожала плечами и продолжила скользить по гладкому члену. Темпераментно вбиваясь снизу меж её влажных бёдер, пока она привстала на коленях, ему пришло в голову, что вот он хозяин её тела, но не души. Что там у неё в голове — сплошная загадка. И честно говоря, ему не очень хотелось знать, что и кто занимает её мысли, кроме сына, конечно. Он боялся этого знания. Сжимая её ягодицы и кончая, ему было достаточно вот этой её мягкости, покорности и здравомыслия.

— Так, хорошо! Ещё раз, отлично! Теперь молодые! Нет, ближе! Да, так! Повернулись, поестественнее, пожалуйста! — командовал фотограф, утомивший всех к финалу короткой свадьбы. Немного взволнованный жених безудержно обнимал молчаливую невесту. Она была в коротком платье, как она любила в юности, только не в облегающем и в белом. Он настоял — ей было все равно. Были только родители и пара человек с работы. Никаких подруг-друзей, помнящих прежние времена, не звали. На официальной церемонии хорошо выглядящая невеста с цветами в распущенных волосах поспешно-безлико произнесла «да», ещё до окончания вопроса регистраторши. Из кучки гостей раздались шуточки про «хочу — не могу». Оживлённый жених не торопился; после соответствующего вопроса он иронично обвел взглядом гостей, оглянувшись, что-то шепнул на ухо серьезной невесте и, дождавшись смешков «мы что, зря пришли?», с достоинством ответил.

Молодая жена изредка улыбалась уголком губ, оставляя глаза задумчивыми. Взгляд её сосредотачивался на сыне, кочующем по коленкам 4 бабушек и дедушек. Муж не отпускал её от себя ни на миг, сжимая руку или талию. Она послушно протягивала губы в ответ на частое «горько!», принимая его осторожные (макияж!) поцелуи. Посидев в ресторане, они вернулись домой одни (мальчик остался у родителей) и полночи занимались любовью. Смирившись с неизбежным и не желая злить мужа, она старательно вылизывала напрягающийся орган и впускала в рот обнажившуюся головку. Он с наслаждением погружал член глубоко ей в горло, медленно толкая его и вынимая почти полностью. Она умела — понял он. Последний раз овладевая ей на подоконнике, энергично вбиваясь меж её ног, скрещенных у него за спиной, он прорычал: — Ты — моя! Проснувшись под утро и не обнаружив её рядом, он нашел её в

детской, где она задумчиво смотрела на кроватку. Обняв её сзади: — Думаешь о нём? — Да, как они там справляются с ним? — откликнулась она. — Я про нашего ребёнка, — подчеркнул он «нашего». Неля промолчала, обернулась и обняла его. — Моя жизнь, надо привыкать, — рассудила девушка. После недельного свадебного путешествия вдвоем они вернулись загорелыми и отдохнувшими; даже она выглядела довольной. Виктор потом вспоминал, что именно там его оставило беспокойство: как все сложится. Именно там, на теплом море, он по-настоящему почувствовал себя женатым. Восхитительно было сидеть вечерами на полупустом пляже, в одном шезлонге, держа её, озябшую, на коленях, обнимая и целуя прохладные губы. Он купался и бежал к ней, ждущей с полотенцем, чтоб отфыркиваясь, опуститься рядом и дать вытереть себя и обнять. Ложился к ней на нагретые солнцем колени и в полной душевной гармонии рассматривал небо и её умиротворенное лицо. Сидя прямо в волнах прибоя, норовящих окатить их полностью, он обнимал сзади её выпуклый живот и грудь и бесконечно целовал солёные улыбающиеся губы. Он понял, как это здорово ни на мгновение не расцеплять рук и всё время ощущать близость родного тела. Она мало говорила, внимательно слушая его и соглашаясь во всём. Ему постоянно хотелось её, она ни разу не выдумала ни одной отговорки для отказа. Прижимаясь к её горячей груди, целуя чуть выпирающий живот, он чувствовал полное единение с ней, правда, больше молчащей. Казалось, и она полна решимости начать с новой страницы свою жизнь с ним, перелистав старую. Во всяком случае, втайне плачущей он застал её лишь единожды. Их соседи по столовой — пара с подростком — любовались идиллией молодоженов и много фотографировали их, особенно сын, которому больше нечем было заняться. Вечерами он перекидывал Виктору на флешку фото.

По возвращении у неё как-то сразу вылез живот, раскретив её беременность. Раз, находясь в чудесном расположении, после продолжительной прогулки рука об руку с женой, правда, с коляской, он раскрыл её, теперь их, ноутбук. Её странички оказались запаролены. — Милая! — крикнул он в ванную, где Неля возилась с сыном (теперь он редко помогал ей с мальчиком). — У тебя пароль — дата рождения? — Да, — не отвлекаясь от купания, бросила она. — А зачем тебе? — Фотографии выложу, — машинально ответил Виктор, прохаживаясь насчет примитивности женского мышления, использующего такую «сложную» информационную защиту. Знакомая страничка, многочисленные фото, смеющиеся любовники. Последнее посещение — давно, в прошлой жизни... которой больше нет.

Он зло усмехнулся: я же предвидел, что так случится. Задержав взгляд на очередной картинке слившихся в поцелуе его жены и брата... Похоже на селфи — чуть кривовато. После фотосессии они наверняка не могли дожидаться, пока останутся вдвоем... раздевали друг друга... любили... потом ещё раз... много... настойчиво делали ребёнка... радовались, что удалось... Виктор недобро оглянулся в сторону ванной: слышались оживленные агуканья мамы и сына. Не его сына... Того, кто успел раньше целовать её, спать с ней, спускать в неё семя, считать своей... Того она обнимала за бёдра, любовно вылизывая его член... В груди опять появилось знакомое чувство тяжести. Он горько скривился: что ж не выложили фото в постели? Не додумались? Не успели? Мужчина злобно стукнул по клавиатуре — изображение пропало. Виктор мстительно улыбнулся: легко же все исправить, прямо сейчас создать другую историю. Альтернативную. Уже навсегда. Он не спеша принялся удалять фото с её странички. — Милая иди сюда, — позвав жену, вышедшую из тихой детской. — Заснул? — Да как будто... А что это? Это... — запинаясь. — Да вот, чищу твои фотоальбомы, — за руку привлекая её к

себе и усаживая на колени. — Мокрая... облилась... Нежно целуя её в шею: — Устала? Она напряженно молчала, глядя в экран на малочисленные темные квадратики дорогих фото. Оставалось всего несколько штук. — Лишние почти все удалил, вот хотел спросить тебя: эту оставить? А эту? — на фото она с какими-то девушками. — Я их знаю? Нервно кусая губы, чувствуя пощипывание глаз, Неля беспомощно пожала плечами. — Так, эти туда же, — выделив последние квадратики с явно просматриваемым дорогим лицом, ловко нажал delete. Глубоко вздохнув, широко потянулся: — Устал... Как поработал, прямо!

Снова обняв жену, взялся за мышку, перевел курсор на полосу статуса, выделил прежнее «Влюблена в Сашу» и стёр. — Что напишем? Диктуй! Ну что ты сейчас чувствуешь? Говори первое, что придет в голову!... Она опустила голову, чуть отвернувшись. Ему послышалось сдавленное рыдание... Нет, не заплакала, взяв себя в руки. Подняв глаза, невидяще уставилась в ожидающий экран: — Может, «У меня все хорошо»? — глуховатым голосом. Усмехнувшись, слегка шлепнул её по затылку: — Прimitив!"У меня»!? Нас теперь двое! Сейчас подумаю... Э-э... «Счастлива, любима... « — может так? Она быстро кивнула. Он начал набирать, диктуя вслух: — «Счастлива»... так... «любима»... готово! Как-то мало... и коротко. Что б прибавить? Погладив её неестественно напряженную спину: — Давай «и люблю мужа» или «Виктора», так как лучше? Вновь детское движение плечами. — Этот шрифт? Или тот? — закончив набирать и заключив милую фразу тремя восклицательными знаками. — А фото выложим завтра, выберем лучшие... Или, хочешь, все без разбора, ты там на всех такая красивая?! — Все без разбора, — подтвердила Неля, обретя голос и вставая. — Пойдем спать. Он приложил ухо к её животу: — Как он там? — Крутится...

Потратив ещё вечер, они выложили в соцсетях красивые свадебные и курортные фото. Загорелые, смеющиеся, обнимающиеся... Теперь он любил заходить в сети и проверять их идентичные странички, комментируя выставленные им оценки за семейные фото.

Изредка она встречала бывших приятелей, помнивших старые времена. Все удивлялись её выбору мужа, на что она коротко и терпеливо оправдывалась. Сослуживцы Виктора же острили над ним насчет «вступил в наследство» и «боевого трофея». Словечко «трофей» нравилось ему, и он, усмехаясь, поддержал шутку. У него была прекрасная жена, правда с маленьким недостатком, учащимся ходить, но в целом, семейная жизнь удалась. Все отмечали, что он изменился к лучшему.

Супруги нечасто, но подолгу разговаривали: он делился с ней делами бизнеса, она обсуждала с ним домашние. И говорили о будущем, об их мальчике — она сделала УЗИ. Обнимая за живот засыпающую жену, мужчина ничего бы не изменил в своей нынешней жизни. Кроме, пожалуй, одного. Провожая настороженным взглядом ходящего, держась за опору, Павлика, Виктор уже примерно представлял, как поступит с ним.

Когда он привез домой вновь постройневшую, ещё с небольшим животиком, молодую мать с сыном, та поинтересовалась нахождением Павлика, не обнаружив того дома. — У бабушки. Пока... , — беспечно отмахнулся муж. Первое время ей и правда было не до второго ребенка, ещё нетвердо держащегося на ногах. — Ты правильно сделал, — похвалила она. — Только нужно было посоветоваться со мной. Виктор оказался отличным отцом, без уговоров занимающимся младенцем. Мужчина с удовольствием возился с ним, разделяя её заботы. Совместные прогулки демонстрировали образец счастливой семьи: улыбающиеся друг другу крепкий мужчина и стройная красивая девушка, катящие коляску, не расцепляя рук.

На первые робкие просьбы привезти Павлика, он только отмахивался: — Они его там в зубах

таскают. Пусть тешатся! Осторожно подбирая слова, Неля напомнила о его обещании нанять няню, чтоб ей было не тяжело с 2 малышами. — Милая, разве я не лучшая няня для вас? Ты недовольна моей помощью? — вновь отшутился он. Наконец по её просьбе отец привез Павлика и оставил, подозрительно долго выспрашивая, правда ли Виктор не против. — Конечно, нет, — смеялась Неля, — почему это он против? Вернувшийся с работы муж посмотрел на них недовольным взглядом: — Почему не спросила у меня? — Ты о чем, Витя? — изумилась девушка.

Мужчина настороженно следил за малышом, с любопытством разглядывающим младенца через прутья кровати. Дети не были похожи. — Братишка, это твой братишка, — втолковывала соскучившаяся Неля, целуя Павлика. Виктор хмуро отвернулся от этой «идиллии»: племянник в неё никак не вписывался.

Он выдержал всего лишь несколько дней этого «детского сада»; чаще обычного простодушная Неля просила помочь там-то и тут-то то с этим малышом, то с тем, и хотя в основном справлялась сама (дети не болели), но Виктор решил, что устал. — Собери его к родителям, — велел он. Недоумение жены усыпил ложью: бабушка и дедушка скучают по внуку, игрушки купили, пару дней погостит. Пожав плечами, Неля собрала сумку. — Всё в порядке, Витя? — обняла она хмурого мужа. Не отвечая, он дернул племянника за ручку и увел. Глядя в окно на садящихся в машину родных, девушка терзалась дурными предчувствиями.

Виктор серьёзно поговорил с родителями: внук должен остаться у них или он за себя не ручается. Те обмерли: — Ты хочешь лишить Павлика матери? Неля — плохая мать?! Не вдаваясь в долгие и путаные рассуждения, от которых он только зверел, мужчина настаивал: — Забирайте и всё! Не хочу его видеть у себя! Все уговоры родителей, что это его родной племянник и Неля ему этого не простит, не возымели результата. — Не нужен! Те переглянулись: — Сынок, ты всё ещё не можешь справиться с ревностью? Но ведь его нет, а это ребенок!

Они попали в точку: ревность — вот самый ужасный мучитель, истязающий его душу, не оставляющий ни на миг. Ревность — несмотря на полную победу над соперником и захват его имущества. Ревность — невзирая на обладание самым ценным трофеем. Ревность — вопреки кажущейся семейной гармонии. Одна лишь фраза «я тебя не люблю», и ревность разрослась до гигантских размеров и поглотила всего без остатка. Он с этим жил и не собирался бороться. Он защищался.

Несколько дней в семье был мир — та идеальная картинка, нарисованная им в сознании: он, Неля и их сын. После вечерних семейных хлопот, уставший, он ложился в постель в томительном предвкушении: жена милым минетом избавляла его от лишнего напряжения и спермы. Поглаживая волосы старающейся девушки, он выбирал время, чтоб сообщить ей о своем решении, но все откладывал. Выплеснув белесую жидкость ей на язык, он испытывал такую благодарность и наслаждение, что жалел её и не портил момента.

Разговор завела Неля. Сразу после орального сеанса, выйдя из ванной и прижавшись к его боку, тревожно поделилась с ним, что позвонив родителям и попросив привезти сынишку, услышала отказ и какие-то нелепые отговорки, дескать, это сын запретил отдавать внука.

Она испытующе взглянула на него: — Что это, Витя? Шутка? — Разве нам без него плохо? Мне сейчас очень хорошо! — блаженно раскинувшись и ощущая тепло её тела. — Я серьёзно. Вдруг он нагнулся над ней, подчиняясь мгновенному импульсу: — Ты любишь меня? Она

смутилась и постаралась спрятать взгляд: — Зачем ты спрашиваешь? Разве тебе плохо со мной? Ответ был более чем ясен, он откатился на спину: — Не всегда... Сейчас было хорошо... И вчера тоже... Собравшись с духом: — Какое отношение это имеет к Павлику? Что значит «не велел привозить»? — Завтра поговорим, — отворачиваясь. — Спи! Она ещё тормозила его, но он вскоре захрапел.

— Нет, — тихо плакала Неля на кухне, по традиции боясь разбудить нового младенца. — За что ты так со мной?! Что я тебе сделала!? Он ожидал нечто подобное, поэтому не удивился и сохранял хладнокровие. — Там ему будет лучше, поверь! А родителям — с ним. У них смысл жизни, можно сказать, появился, разве не видишь, как они состарились из-за всего?! — А мне как жить из-за их смысла жизни? А Павлик без меня? — Что значит без тебя? Ты себя послушай?! Он будет жить на соседней улице, встречайтесь, хоть каждый день! Но не здесь, не при нас. — При нас? Витя, каких «нас»? Мы ж ему родные! Она шла за ним, собранным на работу, по квартире к выходу: — Витя! Подожди! Скажи, что я не так сделала? Я тебя обидела? Прости меня за всё, прошу! Витя, ну что ты хочешь? Верни Павлика, как я без него! Её крики ударились о захлопнувшуюся дверь и разбились о тишину. () Изучив закрытую дверь, она горько зарыдала, закрыв руками лицо. Заплакал разбуженный младенец.

Вечером он застал её сосредоточенно-погруженной в себя. Она механически подала ему ужин, сначала вышла, потом вернулась. Села напротив и задумчиво смотрела, как он ест. Отодвинув тарелку: — Говори что надумала. Я же вижу... Глядя в пол: — Не хочу обижать тебя, ты много для нас сделал. Наверное, ты за что-то злишься на меня. Наверное, за прошлое. Не знаю... Может, мне уйти и тебе станет легче? Мы уйдем, Витя. Не будем раздражать тебя...

— Ты уйдёшь, — вставил он. — То есть, как я? — растерялась она. — Ты и твой сын. Мой — останется со мной. Против обыкновения она не стала плакать. Долго молчала и, наконец, выдавила из себя: — Я тут много думала: и так, и этак. Догадывалась, что ты так скажешь. Наверное, ты не любишь отдавать своё. Изучила его спокойное лицо, чему-то слегка улыбнулась: — А ты сможешь жить без меня, уйди я? Он склонил голову к плечу: — Жил же раньше... Баб много. Её передёрнуло.

Супруги долго сидели напротив друг друга в тихой квартире, кажущейся пустой. Она ушла кормить ребёнка, Виктор беззвучно зашел и прислонился к проёму. — А ты сможешь жить без него, без нашего сына? — уточнил он. Неля отвернулась и вытерла глаза.

Ночью они впервые после родов занимались любовью — пришло время. Она не противилась, но отворачивала отрешённое лицо, не давая целовать себя. Он понимал, что его любовь к ней велика, но желание поступить по-своему и выстроить свою жизнь комфортно пересилило искреннее чувство и убило всякую жалость. Слезы? Каприз и только! Как всегда в отношениях с Нелей он рассчитывал на побеждающее в конечном итоге её благоразумие. Многократные примеры которого он наблюдал.

Виктор поднялся с неё и сел в кольцо её ног. Она лежала доверчиво раскрытая перед ним, вскинув руки над головой. Двигаясь в ней, он изучал выражение её лица — незащитное. Погладив её живот, скользнул пальцем вниз к раскрытым створкам влагалища, к средоточию её страсти. Нащупав слегка выступающий бугорок, он начал неглубокую круговую стимуляцию. Она тихо вздохнула. Желая придать ей сил, он обхватил её тонкую щиколотку, прижал к своей щеке и поцеловал. Прошелся губами по всем изящным пальчикам и втянул в рот большой с ярким ногтем. Придерживая её гладкую коленку, другой рукой усилил нажим

на затвердевший конус. И вдруг она заметалась перед ним, волнуясь с каждой секундой все сильнее.

Он с интересом всматривался в меняющееся выражение её лица, на котором, казалось, отражались поочерёдно все этапы первого с ним оргазма. Догадавшись, он прикусил дрожащий в его рту палец, не останавливая ни на миг скольжение в ней. Она сжала ладонями искаженное лицо, опустила руки на грудь, будто бы удерживая выпрыгивающее сердце. Кусая губы, наконец, застонала незнакомым низким голосом и, спохватившись, зажала рот, верно, забыв, что кровать теперь не рядом. Поддавшись охватившему её вожделению, темпераментно подалась на него, прилипнув к его паху и спазматично сжав мышцы вагины. Она почти выгнула дугой налившееся свинцом тело, выдернула палец у него изо рта и сдавила мужчину в кольце бёдер. Конвульсии сотрясли её тело; она хватала ртом воздух и шептала «да-да!», пока мышцы её не расслабились, лицо не прояснилось и приняло уставшее выражение.

Погладив последний раз влажный твердый клитор, он приостановил толчки в ней, любясь своей темпераментной женой, только что на его глазах сбросившей маску снегурочки. Он нашел её волшебную кнопку, она у неё, разумеется, была как у всякой нормальной женщины. Обнаружение было делом времени. И это время удачно совпало с обретением ими семейного счастья, как он его понимал. Теперь у него не было сомнений, что все его решения верны. Избавление от призрака прошлого освободило её от скованности, и она полностью раскрылась для него. Наверняка, и она тяготилась этой затянувшейся привязанностью к былому, но с этого момента никто не помешает им принадлежать друг другу, как сейчас принадлежала ему жена. Он поднял её на свои бедра и впился в измученные губы. — Ты моя... по-настоящему моя... никому... никогда... не отдам, — шептал он. Взяв за ягодицы, он энергично нанизал её на разрывающийся член и вскоре кончил. Она посидела немного на нем, осторожно высвободилась и убежала в душ, наученная горьким опытом.

— Я не знал тебя такой, — обняв её, влажную после ванной. Вздохнув: — Я тоже тебя иногда не знаю. — Раскроешь свои секреты? — пропустив двусмысленный намек. — Как тебе ещё нравится? — Мне нравится... когда... не нужно никого обижать... Тогда я тоже смогу... забыть и быть счастливой, — понижая голос до едва слышного шёпота, отдельно произнесла она. И все равно он был доволен.

Провожая его на работу, Неля с надеждой вглядывалась в его бодрое лицо, пытаясь прочесть в нем нечто. Целуя её выжидающе приоткрытые губы: — Будешь у родителей — передай там всем привет! Она постояла у закрытой двери и отправилась собирать сына в гости.

В один из последних разговоров, среди многих, пытаясь убедить его: — Ты говорил, что я для тебя... что ты любишь меня. Как же ты можешь так... ? — Тебя. Тебя и нашего сына. — Да ведь я и Павлик... одно целое. — Нет. Только ты! Мы и наш сын — вот одно целое! Никого больше! Ты не устаешь от пустых разговоров?

Виктор нанял сыну няню, теперь Неле стало проще навещать Павлика одной или с младшим братишкой. Дети трогательно общались, радуя её. Сперва муж выказывал недовольство стремлением жены постоянно ездить к сыну. Выговаривал вечерами насчет «опять тебя днём дома нет», «почему по телефону мне отвечает няня?» и «сына забросила», имея в виду общего. Она упрямо помалкивала, но поступала по-своему. Больше ему придраться было не к чему, так как в остальном она являлась идеальной женой и матерью. Поворчав, он махнул на

ситуацию рукой.

Сын Саши живет, обожаемый дедушками и бабушками. Он знает, что у него есть братик и дядя, последнего, впрочем, он видит редко. Часто его навещает мама, гуляя и играя с ним; он уже не просится к ней домой, зная, что нельзя. Со временем Неле перестали задавать неудобные вопросы про старшего сына, привыкнув к необычности ситуации. Виктор привычно считает жену самым лучшим подарком своей жизни, почти перестав ревновать её к прошлому. Он засыпает и просыпается довольным рядом с Нелей. Даже её родители уверены, что ей повезло с мужем. Оба выглядят счастливыми, обнявшись и мирно беседуя, когда гуляют с ребенком. Все знакомые называют семью Виктора идеальной, с чем он полностью согласен.

Семьи, где детей воспитывают бабушки и дедушки при живых благополучных родителях, знает автор.